

Историческая политика в контексте трансформаций концепций национальной безопасности Беларуси и России: теоретические основания

А.А. Мушта¹, Т.В. Растимешина²

¹Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь, г. Минск

²Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Россия, г. Москва

alex_mushta@mail.ru

Рассматриваются взаимосвязанные концепты исторической политики и политики памяти. Прослеживаются основания взаимосвязи между политикой безопасности личности, общества и государства и политикой памяти. Отмечается особенность современной российской и белорусской исторической политики, которая связана с использованием исторической памяти в качестве источника легитимности политических институтов. Показываются предпосылки секьюритизации исторической политики и политики памяти в условиях возрастания рисков и угроз внешнего характера и внутренней дестабилизации по отношению к политическим системам Беларуси и России.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, секьюритизация, национальная безопасность, Беларусь, Россия, историцистская схема, историцизм.

Historical Policy in the context of Transformations of the National security Concepts in Belarus and Russia: theoretical foundations

A.A. Mushta¹, T.V. Rastimehina²

¹Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Republic of Belarus, Minsk

²National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology», Russia, Moscow

alex_mushta@mail.ru

The interrelated concepts of historical policy and memory policy are considered. The foundations of the relationship between the security policy of the individual, society and the state and the policy of memory are traced. The author notes the peculiarity of modern Russian and Belarusian historical politics, which is associated with the use of historical memory as a source of legitimacy of political institutions. The author shows the prerequisites for the securitization of historical and

memory policy in the context of increasing risks and threats of an external nature and internal destabilization in relation to the political systems of Belarus and Russia.

Keywords: historical policy, memory policy, securitization, national security, Belarus, Russia, historicist scheme, historicism.

В начале третьего десятилетия XXI века, как и в предшествующие исторические периоды, проблема обеспечения безопасного существования личности, общества и государства продолжает носить острый характер. Внешние угрозы и внутренние политические противоречия оказывают существенное давление на национальные и международные системы безопасности, предъявляют принципиально новые требования к государственному управлению.

К перечню его актуальных направлений обеспечения безопасности, безусловно, относится историческая политика. Как показывает анализ, в настоящее время указанный термин вызывает полярные оценки и не имеет однозначного определения. В контексте заявленной темы ограничимся двумя дефинициями авторитетных исследователей из России и Украины:

«Набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие» [Миллер, с. 10].

«Целенаправленное конструирование и утилитарное использование в политических целях “исторической памяти” и других форм коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций — в том числе профессиональной историографии» [Касьянов].

Также следует отметить, что многие авторы не видят большой проблемы в отожд-

ествлении исторической политики с другим феноменом — «политика памяти». А поэтому их дефиниции весьма схожи:

— инструмент формирования макрополитической идентичности того или иного общества;

— система форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью нации (народа);

— совокупность акторов и коммуникаций, функционирующая относительно политического использования прошлого;

— политический менеджмент наследия воспоминаний;

— ресурс «мягкой силы» государства, важный компонент его идеологической стратегии и практики и др.

В Республике Беларусь категория «историческая политика» употребляется в сугубо позитивной коннотации, как «система целенаправленной деятельности институтов государственной власти по формированию национального историко-государственного мировоззрения человека и общества, укреплению историко-культурных и духовно-этических представлений людей, их готовности к созидательному труду, отстаиванию государственной безопасности и национальных интересов Отечества» [Коваленя, Арчаков, Данилович, Баньковский, с. 10—11].

Весьма симптоматичная в данном определении ссылка на национальные интересы и государственную безопасность служит наглядным подтверждением того, что сегодня историческая политика и связанная с ней

политика памяти многих стран (в том числе Беларуси и России) включены в более широкий круг проблем национальной безопасности.

Следует отметить, что сама история (память) власти в России, Беларуси и странах постсоветского пространства со сходными политическими режимами обладают определенной спецификой. Они, как правило, сконструированы, воспроизводимы посредством различных механизмов и инструментов, произвольны и производны от актуальных для текущего момента времени политических задач. За счет конструируемой (формируемой, корректируемой, контролируемой) памяти (конструирование и реконструкция производятся в рамках рассматриваемых политик) народы Беларуси и России разрешают конфликты между прошлыми и настоящими состояниями политических систем и политических институтов, а государственные институты и элиты укрепляют свою легитимность.

Западные политические культуры преимущественно избегают конфликтов с прошлым. В каком-то смысле западное прошлое более стабильно и «предсказуемо», оно осуществляет функцию политического якоря, балласта, обеспечивающего устойчивость политических систем в периоды турбулентностей, сломов и кризисов; память нормализует и создает естественные границы для эволюционного преемственного воспроизводства институционального и иных уровней политических систем. Несомненно, существует специфика памяти о прошлом для каждой из западных стран. Так, для английской политической системы память является преимущественно противоядием, содержащим ценности традиционализма и консерватизма, защищающего общество и власть от

«избыточных» модернизаций и реформ [Эйзенштадт, с. 271—273]. Во Франции память играет «направляющую и формирующую роль по отношению к национальному сознанию» [Нора, с. 22]. Тем не менее есть основания говорить о наличии общих атрибуций в культуре памяти власти западноевропейских демократий: память о политическом прошлом — это чаще всего зафиксированные реалии в форме исторических фактов, социальный и политический опыт во всей его сложности и многомерности, который кумулируется, наследуется и осмысливается (интерпретируется) каждым из поколений; однако существует общественный консенсус о недопустимости полного пересмотра и перелицовки фактографической составляющей, открытые информационные пространства, подконтрольные не только государству, но и гражданскому обществу, в том числе академии, не допускают ни затирания и замалчивания части фактов, ни общественной конфронтации по поводу радикализации общественного сознания на основе их переинтерпретации.

Если европейцы осваивают и присваивают прошлое, то постсоветская традиция привержена схеме «уничтожения — производства — воспроизводства». В некотором смысле каждому политическому режиму и каждой национальной идентичности на постсоветском пространстве нужно новое, причем суверенное прошлое. В результате память в постсоветских системах государственности и национальной идентичности замещается и подменяется различными историцистскими схемами: нации и элиты, «выброшенные» из исторического контекста политической турбулентностью и режимными трансформациями, имевшими место в 90-е годы XX века, замещают образовав-

шиеся лакуны «заплатками» историцистских мануфактур.

И гражданское общество (нация), и элита испытывают потребность в прошлом, поскольку нуждаются в том, чтобы быть встроенными в историческое время, эпоху, в идеале — в вечность. Для нации историческая память — основание национальной идентичности, для элиты — базис символической легитимности. Как точно отмечает Т. Нобль, «правлящая группа всегда озабочена, прежде всего, своим увековечиванием, и, что самое главное, своей продолженностью во власти» [Noble, с. 115]. Нуждаясь в легитимности, институты испытывают потребность рассматривать свой образ в его проекции на прошлое и находить конструктивные совпадения. Институты заинтересованы в построении проекции именно так, чтобы образ настоящей власти оказывался в достаточной (для обоснования ее легитимности) степени соответствующим проверенным на прочность и эффективность моделям власти исторического прошлого. Повторяемость ситуаций и образов в белорусской и российской политических культурах принято интерпретировать как стабильность и гармонию.

Таким образом, особенностью современной российской и белорусской политики является то обстоятельство, что память есть в первую очередь политический ресурс и лишь во вторую — объективная данность. Именно такой подход к исторической политике имел в виду М.Н. Покровский, заявлявший: «История не есть самодовлеющая задача, история — величайшее орудие политической борьбы, другого смысла история не имеет» [Эйзенштадт, с. 271—273]. Ему же принадлежит и другая знаменитая фраза: «История, политика прошлого, чрезвычайно увязана с политикой настоящего» [Аритизов, с. 107].

Как мы уже отметили, потребность в исторической памяти есть и у наций, и у институтов. Политические лидеры, партии, институты гражданского общества борются за обладание содержанием и формированием памяти. Но, как правило, на постсоветском пространстве государство является субъектом, априорно побеждающим в этой борьбе, поскольку ресурсы по «производству» и реконструированию истории сконцентрированы в руках государства. Оно контролирует большую часть исторического и информационного пространства, поэтому обладает монополией на использование памяти как политического ресурса.

Утопический и догматический историцизм, в терминологии К. Поппера, или «политика прошлого» представляет собой «метафизику истории» [19]. К. Поппер классифицирует те догмы, принципы и технологии, посредством которых авторы историцистских конструктов — политики — «управляют» исторической памятью. Совокупность этих технологий К. Поппер назвал историцизмом. К. Поппер показал, что примат историцизма в политике восходит к «персонализации» исторических сил и тенденций. Основной технологией историцизма является «выпячивание» или замалчивание тех или иных исторических периодов и явлений, поскольку в его основе лежит идея о том, что в прошлом той или иной нации или государства есть периоды более значимые: периоды расцвета, восхождения, величия и периоды нисхождения, заката, «тупиковых» путей [Поппер, 1993].

Историцистская схема представляет собой социально-философскую концепцию большей или меньшей степени сложности и глубины, в основе которой лежит догматизация универсального закона, открывающего возможность

интерпретации того или иного факта исторического прошлого и прогнозирования будущего на их основе. В психологическом отношении, историцистская схема как итог историцистского производства есть не что иное, как навязанное широким массам населения, внушенное воспоминание, сквозь призму которого граждане интерпретируют настоящее и представляют будущее. Государства, полностью владеющие информационным ресурсом и контролирующие значимые части информационных пространств, способны навязать внушаемым аудиториям любую «травму» (ярким примером искусственной травматизации является навязанный гражданам России концепт постколониальной драмы катастрофического распада СССР и соответствующих «фантомных болей» бывшей метрополии¹) или, напротив, воспоминание о победах и свершениях, которые воспринимаются как свои, индивидуально-личностно значимые.

Одной из наиболее актуальных из применяемых сегодня политическими институтами историцистских схем является модель секьюритизации.

Теоретико-философские истоки концепта «секьюритизация», как известно, восходят к Копенгагенской школе, рассматривавшей национальную и международную безопасность с позиций постмодернизма и конструктивизма. Ее представители Б. Бузан (Buzan B.), О. Вейвер (Waever O.) и Дж. Де Вейл (Wilde J. De) суть феномена секьюритизации и механизмы его функционирования изложили в ряде работ, главной из которых считается «Безопасность: новая структура для анализа» (1998 г.).

В наиболее общем виде секьюритизация — процессы признания факта существования угрозы (потенциальной или реальной), в настоящем и прошлом, наделения ее дополнительной значимостью (вплоть до закрепления в общественном сознании в статусе «экзистенциальной»), превращения ее в предмет внимания государственной политики (выработка, ресурсное обеспечение, реализация комплекса мер, направленных на предотвращение и противодействие угрозе) [Гайдаев; Седов].

Об устойчивом тренде перевода национально-государственной идентичности, исторических нарративов и исторической политики в плоскость рисков и угроз для национальной и международной безопасности пишут в своих работах российские исследователи: В. Апрыщенко, О. Гайдаев, Д. Ефременко, А. Миллер, Я. Севастьянова, М. Тамбовцева, Л. Фадеева, Д. Эйвазов и др.

Именно такой сценарий «акцентуации угроз» последовательно осуществляется в России с 2014 года: его апологеты пытаются осуществить возгонку и актуализацию патриотических архетипов национального самосознания, акцентируя наличие большого количества внешних угроз, особой роли государства в их преодолении и создании системы защиты от эскалации угроз, в связи с чем настаивают на необходимости этатизации и патернализации определенных сфер общественного развития. Стратегия секьюритизации, которая, в определенном смысле, перекликается с советской стратегией и идеологией Холодной войны, включает ряд идеологем. К их числу относится идея «Россия (Беларусь) в кольце

¹ Восприятие распада СССР как геополитической катастрофы естественным и неизбежным образом предполагает отложенные «фантомные» боли метрополии: и великодержавный шовинизм, и колониальный снобизм элит и народа России, если не исключаящие, то затрудняющие интеграцию русского и белорусского народов на основе идей равноправия и общего прошлого.

врагов». Так, Председатель Правительства РФ заявлял: «...мы должны понимать, что можем противопоставить в этой ситуации. И когда кольцо вокруг нашей страны начинает сжиматься — а количество стран, которые входят в НАТО, все увеличивается и увеличивается, — это нас не может не беспокоить» [Медведев назвал расширение НАТО...].

Наличие внешней институционализированной и/или персонифицированной угрозы, в свою очередь, предполагает возможность «повторения войны» и одерживания соответствующей победы. Следовательно, секьюритизация подразумевает возможность мобилизации граждан на ее основе, а именно «создание особого духовного подъема среди всех слоев населения, обеспечивающего готовность прилагать дополнительные усилия и даже идти на определенные жертвы» [Седов, с. 12], причем миллионами советских (и постсоветских — российских и белорусских) граждан жертвование материальными ресурсами, даже «своей жизнью и жизнью близких во имя победы должно восприниматься как политическая норма» [Растимешина, с. 19], должно быть основано на «фактическом пренебрежении собственными гражданскими правами, в том числе политическими» [Растимешина, с. 21].

Обеспечивают возможность мобилизации граждан России и Беларуси на основе концепта «секьюритизации», как мы считаем, также три основных фактора.

Прежде всего это патриотизм, в качестве основных компонентов которого выступают, с одной стороны, идеи уязвленной национальной гордости, с другой стороны, этатизм и преданность государству и лицам, воплощающим государственную власть, нацио-

нальному лидеру. В частности, в России антисанкции, и другие изоляционистские шаги (выход из различных международных организаций), — были первыми шагами государства по осуществлению мобилизационного сценария, реализованными с опорой на национальный консенсус.

Другой источник мобилизационной готовности: «персонализация, сакрализация верховной власти, восприятие образа лидера сквозь призму представлений о спасителе, «отце-благодетеле», «царе-батюшке» в сочетании с клиентелизмом, абсолютизацией роли личности, склонностью к авторитаризму» [Растимешина, с. 20]. Абсолютизация роли личности сопровождается недоверием к институтам и желанием отказаться от политической власти в пользу персоны, имеющей всенародное доверие.

И третий фактор — источник мобилизационного сознания, в частности различные aberrации: конспирология, шпиономания, экономический догматизм, мифологизация исторических событий, историцизм и т.п. Все эти отклонения от истины и заблуждения активно распространяются и поддерживаются преимущественно посредством государственных информационных ресурсов.

Международной исследовательской группой под руководством директора института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) В. Апрыщенко изучено влияние коллективной памяти на представления о безопасности в Европе, включая Россию. В результате анализа взаимодействия коллективной памяти, идеи безопасности и идентичности составлена оригинальная трехчастная модель «секьюритизации» (так называемый «треугольник секьюритизации»). В ее основу положен тезис о том, что коллективная

память является основным элементом, конституирующим смыслы безопасности, при этом, как полагает В. Апрыщенко, «тройную связку памяти, безопасности и идентичности разрушить невозможно» [Апрыщенко, с. 105]. К сегодняшнему дню и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь историческая политика и политика памяти также заметно «секьюритизированы», то есть осмыслены в качестве проблемного поля, непосредственно связанного с вопросами национальной безопасности.

Литература

1. Noble T. Social theory and social change. Basingstoke and New York: Palgrave, 2000.
2. Апрыщенко В. Память как безопасность // Новое прошлое / The new past. 2016. № 3. С. 86—108.
3. Аритизов А.Н. Критика М.Н. Покровского и его школы // История СССР. 1991. № 1. С. 102—120.
4. В российско-белорусском информационном пространстве очевиден дефицит позитива — Петрищенко [Электронный ресурс]: БЕЛТА: сайт Агентства. URL: <https://www.belta.by/culture/view/v-gossijsko-beloruskom-informatsionnom-prostranstve-ocheviden-defitsit-pozitiva-petrischenko-237659-2017/> (дата доступа: 10.12.2020).
5. Валаханович И. Историческая политика: тренды уходящего года [Электронный ресурс] // БИСИ: Белорусский институт стратегических исследований. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/istoricheskaya-politika-trendy-ukhodyaschego-goda/> (дата обращения: 13.02.2021).
6. Гайдаев О. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. №. 1. С. 20—32.
7. Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании 11 февраля 2021 г. [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь: официальный интернет-портал. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusское-narodnoe-sobranie> (дата обращения: 13.02.2021).
8. Емельянова Н. Политика памяти и травмы коллективной памяти в условиях секьюритизации // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 30—34.
9. Покровский М. Институт истории и задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т.14. С. 3—12.
10. Касьянов Г. К десятилетию Украинского института национальной памяти (2006—2016) [Электронный ресурс] / Historians: исторический интернет-портал. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgij-kasyanov-k-desyatiletiju-ukrainskogo-instituta-natsional-noj-pamyati-2006-2016/> (дата обращения: 01.04.2021).
11. Коваленя А. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя, В. Арчаков, В. Данилович, А. Баньковский // Беларуская думка. 2019. № 8. С. 3—11.
12. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 г. № 575 (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 24.01.2014 № 49) // Министерство обороны Республики Беларусь: военный информационный портал. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/koncept/ (дата обращения 12.05.2021).
13. Медведев назвал расширение НАТО «безусловной угрозой России» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: официальный сайт. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3707140> (дата обращения 20.10.2019).
14. Мединский предложил создать документ по государственной исторической политике России [Электронный ресурс]: ТАСС: информ. агентство. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11028607> (дата доступа: 02.04.2021).
15. Миллер А. Россия: Власть и история // Pro et Contra 2009. Т. 13. № 3—4. С. 6—23.
16. Минпросвещения одобрило учебник по истории под редакцией Мединского [Электронный ресурс] / ТАСС: информ. агентство. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11011435/> (дата доступа: 28.03.2021).
17. Нора П. Франция — память / П. Нора и др.; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325 с.
18. Песков: Уязвимость или Москвы, или Минска усиливает опасность для второй страны [Электронный ресурс] / TUT.BY: [новостн. сайт].

URL: <https://news.tut.by/economics/727575.html> (дата доступа: 21.04.2021).

19. Поппер К. Нищета историцизма.: пер. с англ. М.: Прогресс: VIA, 1993. 185 с.

20. Поппер К. Открытое общество и его враги: [в 2 т.]: пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Открытое о-во «Феникс», 1992. 525 с.

21. Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепция информационной безопасности Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: https://www.beltim.by/system/files/2020-08/koncepciya-informacionnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus_postanovlenie-soveta-bezopasnosti-respubliki-belarus-18.03.19-no1.pdf (дата обращения 10.02.2021).

22. Путина удивило содержание российских учебников истории [Электронный ресурс] / LENTA.RU: [новостн. сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/04/21/history/> (дата доступа: 21.04.2021).

23. Растимешина Т. В. Культурное наследие и подданническая политическая культура российского общества // Власть. 2012. № 2. С. 18—21.

24. Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. 177 с.

25. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: учеб. пособ. / Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. М.: Аспект Пресс, 2002. 535 с.

26. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата доступа: 13.02.2021).

27. Тамбовцева М. Теоретический подход Копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83). С. 185—187.

28. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 415 с.

Поступила 30.04.2021

Мушта Александр Александрович — кандидат философских наук, доцент, ведущий специалист Информационно-аналитического управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь (220007, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Московская, 17).

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1), rast-v2012@yandex.ru

References

1. Noble T. Social theory and social change. Basingstoke and New York: Palgrave, 2000.
2. Apyshhenko V. Pamjat' kak bezopasnost' [MEMORY AS SECURITY] // Novoe proshloe / The new past. 2016. № 3. S. 86—108.
3. Aritizov A.N. Kritika M.N. Pokrovskogo i ego shkoly // Istorija SSSR. 1991. № 1. S. 102—120.
4. V rossijsko-belorusskom informacionnom prostranstve ocheviden deficit pozitivna — Petrishenko [Jelektronnyj resurs]: BELTA: sajt Agentstva. URL: <https://www.belta.by/culture/view/v-rossijsko-belorusskom-informatsionnom-prostranstve-ocheviden-defitsit-pozitiva-petrishenko-237659-2017/> (дата доступа: 10.12.2020).
5. Valahanovich I. Istoricheskaja politika: trendy uhodjashhego goda [Jelektronnyj resurs] // BISI: Belorusskij institut strategicheskikh issledovanij. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/istoricheskaya-politika-trendy-ukhodyaschego-goda/> (дата obrashhenija: 13.02.2021).
6. Gajdaev O. Teorija sek'juritizacii, ili Horosho zabytoe staroe: k voprosu o teoretiko-filosofskih istokah i zarozhdenii teorii [SECURITIZATION THEORY OR A WELL OVERLOOKED OLD: ON THE PHILOSOPHICAL AND THEORETICAL PREMISES AND ORIGINS OF THE THEORY] // Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2021. T. 21. №. 1. S. 20—32.

7. Doklad Prezidenta Belarusi na VI Vsebelorusskom narodnom sobranii 11 fevralja 2021 g. [Jelektronnyj resurs] // Prezident Respubliki Belarus': oficial'nyj internet-portal. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (data obrashhenija: 13.02.2021).
8. Emel'janova N. Politika pamjati i travmy kolektivnoj pamjati v uslovijah sek'juritizacii [POLITICS OF MEMORY AND TRAUMA TO COLLECTIVE MEMORY UNDER SECURITIZATION CONDITIONS] // Voprosy filosofii. 2020. № 7. S. 30—34.
9. Pokrovskij M. Institut istorii i zadachi istorikov-marksistov // Istorik-marksist. 1929. T. 14. S. 3—12.
10. Kas'janov G. K desjatiletiju Ukrainского instituta nacional'noj pamjati (2006—2016) [Jelektronnyj resurs] / Historians: istoricheskij internet-portal. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusija/1755-georgij-kas-yanov-k-desjatiletiju-ukrainskogo-instituta-natsional-noj-pamyati-2006-2016/> (data obrashhenija: 01.04.2021).
11. Kovalenja A. K voprosu ob istoricheskoy politike / A. Kovalenja, V. Archakov, V. Danilovich, A. Ban'kovskij // Belaruskaja dumka. 2019. № 8. S. 3—11.
12. Koncepcija nacional'noj bezopasnosti Respubliki Belarus' [Jelektronnyj resurs]: utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Belarus' ot 09.11.2010 g. № 575 (v red. Ukaza Prezidenta Respubliki Belarus' ot 24.01.2014 № 49) // Ministerstvo oborony Respubliki Belarus': voennyj informacionnyj portal. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/koncep/ (data obrashhenija 12.05.2021).
13. Medvedev nazval rasshirenie NATO «bezuslovnoj ugrozoy Rossii» [Jelektronnyj resurs] // Kommersant#: oficial'nyj sajt. Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/3707140> (data obrashhenija 20.10.2019).
14. Medinskij predlozhit sozdat' dokument po gosudarstvennoj istoricheskoy politike Rossii [Jelektronnyj resurs]: TASS: inform. agentstvo. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11028607> (data dostupa: 02.04.2021).
15. Miller A. Rossija: Vlast' i istorija // Pro et Contra 2009. T. 13. № 3—4. S. 6—23.
16. Minprosveshhenija odobriло uchebник po istorii pod redakciej Medinskogo [Jelektronnyj resurs] / TASS: inform. agentstvo. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11011435/> (data dostupa: 28.03.2021).
17. Nora P. Francija — pamjat' / P. Nora i dr.; per. s fr. D. Hapaevoj. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1999. 325 s.
18. Peskov: Ujazvimost' ili Moskvu, ili Minska usilivaet opasnost' dlja vtoroj strany [Jelektronnyj resurs] / TUT.BY: [novostn. cajt]. URL: <https://news.tut.by/economics/727575.html> (data dostupa: 21.04.2021).
19. Popper K. Nishheta istoricizma.: per. s angl. M.: Progress: VIA, 1993. 185 s.
20. Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi: [v 2 t.]: per. s angl. pod obshh. red. V. N. Sadovskogo. T. 2: Vremja Izheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly. M.: Otkrytoe o-vo «Feniks», 1992. 525 s.
21. Postanovlenie Soveta Bezopasnosti Respubliki Belarus' ot 18 marta 2019 g. № 1 «O Koncepcija informacionnoj bezopasnosti Respubliki Belarus'» [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.beltim.by/system/files/2020-08/koncepciya-informacionnoj-bezopasnosti-respubliki-belarus_postanovlenie-soveta-bezopasnosti-respubliki-belarus-18.03.19-no1.pdf (data obrashhenija 10.02.2021).
22. Putina udivilo sodержanie rossijskih uchebnikov istorii [Jelektronnyj resurs] / LENTA.RU: [novostn. cajt]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/04/21/history/> (data dostupa: 21.04.2021).
23. Rastimeshina T. V. Kul'turnoe nasledie i poddannicheskaja politicheskaja kul'tura rossijskogo obshhestva // Vlast'. 2012. № 2. S. 18—21.
24. Sedov V. V. Mobilizacionnaja jekonomika: sovetskaja model'. Cheljabinsk: Cheljab. gos. un-t, 2003. 177 s.
25. Sravnitel'naja politologija segodnja: mirovoj obzor: ucheb. posob. / Almond G., Paujell Dzh., Strom K., Dalton R. M.: Aspekt Press, 2002. 535 s.
26. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda [Jelektronnyj resurs] // Prezident Rossii: oficial'nyj sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (data dostupa: 13.02.2021).
27. Tambovceva M. Teoreticheskij podhod Kopenhagenskoj shkoly k obespecheniju mezhdunarodnoj bezopasnosti: osnovnye polozhenija teorii sek'juritizacii [THEORETICAL APPROACH OF COPENHAGEN SCHOOL TO ENSURING INTERNATIONAL SECURITY: THE BASIC PROVISIONS OF SECURITIZATION THEORY] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy

teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 9(83).
С. 185—187.

28. Jezzenshtadt Sh. Revoljucija i preobrazovanie
obshhestv: Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. M.: As-
pekt Press, 1999. 415 с.

Submitted 30.04.2021

Mushta Alexander Alexandrovich, PhD in Phi-
losophy, Associate Professor, Leading Special-
ist of the Information and Analytical Manage-
ment of the Academy of Management under
the President of the Republic of Belarus
(220007, Republic of Belarus, Minsk, st. Mos-
kovskaya, 17).

Rastimeshina T.V., Doctor of Political
Sciences, Professor at the Department of Phi-
losophy, Sociology and Political Science of
National Research University of Electronic
Technology (MIET) (Russia, 124498, Mos-
cow, Zelenograd, Shokina Square, 1), rast-
v2012@yandex.ru